

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 16 (1127)

Суббота, 14 апреля 1945 г.

Цена 45 коп.

ЖИВОЙ МАЯКОВСКИЙ

В канун своей трагической смерти Владимир Маяковский прокричал «во весь голос» в будущее:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитаторы,
гордона-главари.
Загляните
в познанье потоки,
Я шагну
через лирические томики,
как живой
в живыми говорят.

С тех пор прошло пятнадцать лет — три пятилетия, наполненные событиями тяжелого размаха. Свершением трех пятилетних планов строительства социализма и почти четырьмя годами этнической битвы народа во имя защиты свершинного и возникшего озманизованы эти годы в истории нашей Родины.

За пятнадцать лет выросли новые города и выросло новое поколение людей. И за это пятнадцатилетие, по насыщенности величии событий равное столетию, не забытое воздействием стихов Маяковского.

Как живой с живыми, разговаривал поэзия тех лет — поэзия советской страны все эти 15 лет.

И ныне, в день пятидесятилетия со дня смерти поэта, слова товарища Сталина о том, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», не потеряли всего своего большого смысла и значения.

В годы мирного строительства стихи Маяковского, пронизанные беспредельной любовью к земле, «которую завоевал и полуоживил», всплыли в сердца читателей новый прилив трудового созидающего энтузиазма.

Когда нашу страну со всех сторон обложили грозовые тучи наливавшейся великой войны, предсторожением и призывающим к боевой готовности зазвучали прородические стихи Маяковского о фашистах-убийцах.

Разговаривая с фашистами языком пожаров, словами пуль, огнеметами штыков.

Маяковский живет в нашей стране, как пламенный агитатор и товарищ-собеседник. Его образ стоит перед советскими поэтами как олицетворение новаторской смелости, как воплощение германского служения народу оружием стиха.

Это Маяковский, неутомимый искатель новых горизонтов, обращаясь к поэтам-свременникам, писал:

«...пoэт
события берет,
опицает
периодический гул,
а находит
рватель
в завтра,
вперед,
чтоб брюки
трещали
в шагу!»

Это Маяковский, глашатай новых чувств и новых стремлений, познавший силу слова, которое «и бомба и знамя», хотел, чтобы к штыку приправили перо».

Это Маяковский, пламенный поборник острой любоведности поэтического творчества, требовавший от поэтов-свременников:

«дайте
крепкий стих,
годочки на сто,
тот
не таил стих,
как дым клубный,
тот
стихом таким
занести и хвастать
перед временем,
перед республикой,
перед любимой...»

Этими, многократно провозглашенными и утвержденными, всей его работой пунктами «поэтической платформы» Маяковский определил основы своей традиции в советской поэзии.

Своим замечательным примером полного слияния личной судьбы поэта с судьбой народа, подчинением всех исканий одной цели — служению поэтическим оружием великому делу строительства социализма — Маяковский оказал прямое влияние на развитие советских поэтов.

Маяковский, как никто другой в русской поэзии после Пушкина и Некрасова, демократизировал русский стих, он свободно поэтизировал самые «обидчины», «прозаические» явления современности. Вводя в круг поэтических тем и сюжетов явления, ранее числившиеся «нинзинами», неподлическими, Маяковский уже тем самым сделал огромный шаг вперед по пути широкой демократизации языка поэзии, обогатив поэтический лексикон множеством новых слов из народного говора. Этим предопределенная была и огромная работа поэта по расширению и освещению всей совокупности изобразительных средств русской поэзии (сравнение, метафора, рифма, фонетика). Смелые новаторские искания Маяковского в области ритмики (интонационно-декламационный стих) решительно повлияли на традиционную метрику русского стиха и усилили его ритмическую выразительность.

Если с высоты этих новаторских свершений Маяковского взглянуть на творчество советских поэтов, то отчетливо становится видно, что революционная работа великого мастера не пропала даром.

Возмездие творчества таких крупных мастеров поэзии, как Семен Вургун, Наира Зарян, Симон Чиковани, Алио Машавели и некоторых других поэтов других братских народов и мы без труда увидим в том, что отличает творчество этих поэтов от творчества их предшественников, отпечаток плодотворного влияния новаторских достижений Маяковского.

Илья Сельвинский и Эдуард Багрицкий, Александр Твардовский и Михаил Исаковский — как они по манере далеки от Маяковского, но стоят нам внимательно вглядеться в признаки нового, которые проявляются в их творческих приемах, как сама природа этих новшеств невольно направит наше внимание в сторону Маяковского.

Отмечая в день пятидесятилетия со дня смерти Маяковского его «весомое, зрямое» присутствие среди живых строителей социализма и защитников обновленной Родины, мы не можем не напомнить о том, что за пятнадцатилетие, отделяющее нас от дня смерти поэта, наши критики и литераторы, к сожалению, сделали слишком мало для разностороннего, глубокого изучения и обобщения наследства «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи». Только этим обясняется самая возможность возникновения всяческих ошибочных домыслов о «непринадлежности» Маяковского к процессу современного развития советской поэзии.

«Я люблю вас, но живого, а не мумию», в свое время обращался Маяковский к Пушкину. С этим же словами могут обратиться к Маяковскому и все живые сердца и делимы советские поэты.

Живой Маяковский присутствует в братской семье поэтов Советского Союза, «как живой с живыми говорят». И не случайно, что всякий раз, когда с какой-либо стороны делались попытки атаковать самое передовое в советской поэзии, попытки исказить ее советскую природу, в спор вступала монстрация фигура Маяковского, как знамя всех, кому дорога новая поэзия социализма.

В своем отношении к Октябрьской революции Маяковский сказал просто: «Моя революция». Советская республика стала для него родным домом, о котором он мечтал, в котором он хотел «жить и жить, сколько годы мчась».

Голосом и совестью передовых людей советской эпохи в поэзии стал Маяковский.

Вера в то, что Россия «не быть покоренной», что впереди «за горами горы солнечный край непочтенный, яростное разрушение всего старого, постылого — «склизу историю загоним» — это было «весенне-половодье» освобожденного и борющегося народа. Маяковского восхищала неизведанность, увлекала нехоженность путей, которыми пошла наша родина после Октября. никто с таким азартом, как он, не перешел контраст двух эпох — «до» и «после», не способствовал в такой степени осознанию незыблемости нового общественного строя.

В. ПЕРЦОВ

СЛУЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

В. МАЯКОВСКИЙ. (19 июля 1893 г.—14 апреля 1930 г.)

Неопубликованное фото 1911 года (из фондов Библиотеки-Музея В. В. Маяковского).

Значение каждого советского человека для правильного настройки на родину, для достойного государства, созданного Лениным.

Минеи — это не именье, потерять его не страшно.

Маяковский вдруг высмеивает труса:

Полюбите и ляжет житель, дрожко, ночь...

себя под Лениным чишу, чтобы плыть в революцию дальше.

Очистить советского человека от сквернистых пережитков, отделить его гранью от «хемических граждан», как сказал бы Горький, вот зачем была создана Маяковским его знаменитая сатирическая галерея: «Служак», «Помпадур», «Гру», «Подлиз», «Столица», «Слепетник», «Ханжа» и т. д. и т. п. Все эти типы оскорбляют гордый, смелый народ, сбрасывая угнетение человека человеком. Задачи, которые поставил перед нашей родиной Ленин, требуют, чтобы каждый понимал его исторический смысл:

Наша, которые времена в зад уперли лбов медь; быть коммунизмом — значит дерзать, хотеть,

Достоинство человека оплачено на нас кровью лучших, утверждено благородством новаторов «в славной смелых странах» Его роняет трус, который за начальством ходит слади, чтобы услышав иные мнение, завтра это же сказать им.

Если же старший сменил мнение, он усвоит мнение старшины.

Я не знаю другого напева. Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны свою...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

К бессмертному Шедрину откровенно возводит Маяковский в стихотворении «Помпадур» образ «советского помпадура», позабывшего, что народ облекает работника власти, пока он является слугой народной.

Без опоры на литературное предание как мог бы Маяковский творить новое?

В сатирической поэме «Газетная» Некрасов оправдывался, почему он может отказаться от сатиры:

Я не знаю другого напева. Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

Отечество славлю, которое есть, но трикоты мнение старшины.

И я знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны...

Сатирик Маяковского любовь к родине порождала самый настоящий гнев на тех, кто мешает стройке, но как изменились времена для нового русского сатирика!

Я с теми, кто вышел строить и месть в сплонной лихорадке буден.

О

Всегда с нами

— Я воспитывался на поэзии Пушкина и Лермонтова. Напевность и лирическость их произведений близки мелодиям белорусского народного стиха. Что ж, касается Маяковского, то должен признаться, что я не сразу стал ценителем его таланта. Я восхищалась Маяковским, как человеком огромного революционного пафоса, как агитатором за новый социалистический мир, но его стихи долгое время меня мало волновали. Так продолжалось до выхода в свет поэмы «Владимир Ильин Ленин». Эта поэма не только потрясла меня, но и с большой яркостью, по-новому осветила творческий облик поэта.

В 1928 году Маяковский приехал к нам в Минск и выступил во Дворце культуры с чтением своих произведений. Кременецких стихотворений он прочитал отрывки из только что написанной поэмы «Хорошо!». Читал он мастерски и покорил не только меня, но и многих других, слушавших его в этот вечер. Поэт огромного темперамента, неутомимый агитатор и певец социалистического общества, яростный враг всякой косности и рутины — таким всегда запечатлевал Маяковский в моем сознании. В этот вечер я понял, что все, что мне не нравилось раньше (реквизит, ритмика, гибелизм и пр.), все это было целиком обусловлено в этом новом таланте, это помогало ему своеобразно отражать мир.

На наших молодых белорусских поэтов Маяковский оказал огромное влияние. При этом надо отметить, что последователей Маяковского можно разделять на две группы. Первая группа — люди крайней перенесшей — пошли по линии внешнего чисто формального подражания Маяковскому. Они звали у великого поэта то, что было им под силу — ломаную строку, разорванную строфу и пр. Но если такой, соблизивший их в структуре стиха Маяковский подчеркивал глубокую идеиную сущность того, о чем писал, — эпигона Маяковского, преследующим только словесное троекратство, за отсутствием идей, нечего было подчеркивать.

Вторая группа поэтов стала на правильный путь. Эти поэты овладели сущностью творчества Маяковского, его воинствующим духом, большими патриотическими и гражданическими чувствами, ненавистью ко всему отживающему. Особенно благотворным было влияние Маяковского на П. Бровку и А. Кулешова. Они не копировали приемы Маяковского, а, творчески переосмысливая эззидение его поэзии, на этой живой основе создавали оригинальные произведения, близкие по стилю и по тенденциям произведениям великого поэта революции. Такова поэзия П. Бровка «1914 года», поэма А. Кулешова «Хлопцы последней войны». Творческая манера Маяковского оказывалась на многих стихах поэта П. Панченко, написанных им в последние годы, и в особенности — в его лирической поэме «Ноябрь перед праздником». Наши молодежи не только изучала, но с большим творческим подъемом переносила на белорусский язык многие произведения Маяковского. П. Глебка сделал удивительный перевод вступления к поэме «Все были голос». П. Бровка хорошо перевел поэму Маяковского «Владимир Ильин Ленин». Многие стихотворения Маяковского переводили К. Краинская, А. Кулешов, Э. Огненец.

Широкие массы белорусских читателей любят произведения Маяковского. Интерес к поэтическому наследию великого русского поэта особенно усилился за последние годы. И это вполне понятно: поэзия Маяковского, насыщенная беспредельной любовью к советской родине и жгучей ненавистью к ее врагам, была и остается грозным оружием в нашей борьбе.

Танк «Владимир Маяковский», сооруженный на средства В. Н. Яхонтова — лауреата Всесоюзного конкурса мастеров художественного слова.

Ник. МОСКВИН

О ПРАВДОПОДОБИИ

У Флары П. в «Тайне Мари Роже» рассказчик, пользуясь только газетными вырезками, раскрывает загадочное убийство. Этого не могла сделать польница, находящаяся на месте события. Ей, как это и позже показалось в детективных романах, неквапло воображения.

Но на этот раз неквапло особого воображения, которое лучше было бы назвать «естественным ходом вещей». Рассказчик же овладел этим ходом. Как это произошло? Он представил себя человеком, который в данном месте и при данных обстоятельствах совершает преступление. И как только произошло это «перевоплощение», вступил в действие тот естественный, жизненный ход вещей, который обуславливает движение мысли, состояние чувств, совершение поступков. И то, что в полицейских донесениях казалось странным и загадочным, стало теперь вполне естественным, логичным...

Каждому писателю, конечно, знакомо это «перевоплощение». Его герои — старушки, женщины, дети, злодеи, весельчики, меланхолики, храбрецы и т. д. — только тогда начинают жить полноценной и художественно правдивой жизнью, когда автор мысленно побывает в их обличии.

«В обнаженных плечах и руках Кити чувствовалась хладнокровность, чистота, которую она особенно любила». Это писал мужчина, который, вероятно, даже в шутку, не примеряя открытого бального платья, не показывался в нем в обществе. Однако Л. Толстой, войдя в мир Кити Щербаковой, естественным ходом вещей почувствовал физическое ощущение «девушки в бальном платье».

И еще. Тот волшебный, бесценный миг, когда писатель взглянет, что герой вышел на свободу, начинает жить «как по себе», говорить, чувствовать и действовать без авторской указки, и есть, как это ни странно, наиболее полная фаза перевоплощения и вживления автора в героя. То есть приема наиболее пристального внимания к герою. Впрочем, эта стран-

Марии Симак, которая по ходу событий в рассказе оказывается на мосту перед двумя немецкими часовыми.

«Часовые размеренным шагом пошли на встречу матери. Поронившись с ней, один из них что-то сказал крестиком. Мария Симак ответила. Через мгновение с матерью донеслась приглушенная возня, потом все затихло, — и звон колокольчика, и шаги часов, и голос женщины. Братья поняли, что дорога для них свободна (?). Когда спустились вниз, они увидели Марью, стоявшую над трупами часовых. У одного головы была рассечена пополам, у другого разрублена грудь. Руки матери держали тела.

Автор не видит, не чувствует себя на положении участников этого драматического момента. А потому тут и нет правдоподобного течения события.

«...потом все затихло... Братья поняли, что дорога для них свободна».

Почему же, собственно, они поняли именно это? Наоборот, естественное было предположить, что старуха часовые убили (дошелось спрятать в заслете). Но нет, у автора перед глазами че жизнь, а схема рассказа, и она влечет его к следующей новинке несущим: старая женщина топором убивает двух вооруженных часовых.

Не надо обходить воображением художника, чтобы понять, что этого не могло быть. Топор, как известно, в отличие от автомата или пистолета, не имеет «очевидиц», и очим погромтом торпа немелько сразу убить двоих. Легко представить, что когда старуха, действуя внезапно, убивала топором одного немца, то второй вполне успел отступить, хотя бы на шаг, и, не спеша, направить на старуху крестьянку свое оружие. Если же он этого не сделал и все же сам подошел под топор, то, вероятно, только по доверенности с автором рассказа.

И вот еще совсем простенький случай. Через город по железнодорожному мосту проезжал воинский эшелон. Из одного вагона высилась рука и брошено было письмо с городским адресом. На конверте приписка: «Голова... подавляется письмом, доставь его бывшему мужу родине». Помни, письмо стоит здесь только два часа».

Из этого письма, письмо доставляется к бывшему мужу родине.

«...и письмо доставляется к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу родине».

И вот еще совсем простенький случай.

Через город по железнодорожному

мосту проезжал воинский эшелон. Из

одного вагона высилась рука и бро-

шено было письмо с городским

адресом. На конверте приписка: «Голова...

подавляется письмом, доставь его быв-

шему мужу родине».

Из этого письма, письмо доставляется

к бывшему мужу

1.

Девинчий звонкий голос громко, на весь зор спросил:

— Погоди-ка ты, балла, Олег Кошевой в этом доме живет?

— Was sagst du? Ich verstehe nicht, — отвечал часовой.

— Быдла ты, Ниничка, такого обиду? Ни черта по-русски не понимает. Тогда пропусты нас или позови какого-нибудь из настоящего русского человека, — говорил он.

Дядя Коля и Олег, переглянувшись, выскучили из сарая головы.

Перед немецкими часами, немного даже растянувшимися, у самого крыльца стояли две девушки. Та из них, что разговаривала с часами, была такой яркой внешностью, что и Олег и Николай Николаевичи были впечатлены прежде всего на нее. Это блестящее яркое лицо от ее необыкновенно блестящего, нестороженного погреба: по небесно-голубому краешки запущены были какие-то красные вишни, зеленые горошки и еще блестки чего-то желтого и лилового. Утреннее солнце блестело в ее волосах, уложененных спиралью золотистым волом и ниспадавших на шею и плечи тонкими и, должно быть, тщательно продуманными между двух зеркал кудрями. А яркое платье ее так ловко обхватывало ее талию и так легко, воздушно облегало ее страйные полные ноги в прекрасных телесного цвета чулках и в кремовых изящных туфельках на высоких каблуках, что от всей девушки исходило ощущение чего-то необыкновенно естественного, подвижного, легкого, воздушного.

Вот момент, когда Олег и дядя Коля выскучили из сарая, девушка сделала к нему и к Сергею очень надолго.

Девушка, нисколько не смущившись, небрежно хлопнула своей маленькой белой ручкой по грязной руке часовому, быстро вошла на крыльцо и, обернувшись к подруге, сказала:

— Ниничка, иди-ди.

Подруга заколебалась. Часовой вскочил на крыльцо и, расставив обе руки, загородил девушку дверь. Автомат на ремне снялся с его толстой шеи. На небритом лице немца застыла ульбка самодовольно-глупая, оттого что он выполнил свой долг, и в то же время заносчивая, оттого что он понимал, что только девушка, имеющая на это право, может так обращаться с ним.

— Я — Комейка, иди сюда, — сказала Олег и вышел из сарая.

Девушка резко обернула голову в его сторону, одно мгновение смотрела на него пронзительными голубыми глазами и почти в то же мгновение, ступа своими кремовыми каблучками, скользнула с крыльца.

Олег поджал ей, большой со своими широкими плечами и опущенными руками, глядя ей на встречу с наивно-вопросительным добрым выражением, будто говорил: «Вот я и есть Олег Кошевой... Только обясни мне, зачем я вам нужен: если для доброго, то пожалуйста, а если для зла, то зачем же вы меня выбрали?» Девушка подошла к нему и некоторое время смотрела на него так, будто сличала с фотографией.

— Правильно! Олег... — точно для самой себя, с удовольствием подтвердила первая девушка. — Нам бы поговорить наедине, — и она чуть подмигнула Олегу голубым глазом.

Олег, заволновавшись и смущившись, прошептал обеих девушек в сараях. Девушка в ярком платье внимательно посмотрела на дядю Колю прищуренными глазами и с удивленно-вопросительным выражением перевела их на Олега.

— Можете говорить при нем все, так же, как и при мне, — сказал Олег.

— Нет, у нас дело любовное, — правда, Ниничка? — обернувшись к подруге, с легкой усмешкой сказала она.

Выждав, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

Очень смешно странно было, что из краснодонских комсомольцев вместе с ней попадали на курсы радиотов тог самый Сережа Лешашов, которому она оказала в детстве медицинскую помощь и который отнесся к ней так пренебрежительно. Тогда она имела возможность отплатить ему, потому что он сразу в ее влюбился, а она, конечно, нет, хотя у него были красивые губы и красивые уши, и вообще он был парень дельный. Ухаживать он совсем не умел, он сидел перед ней со своими широкими плечами, молчал и смотрел на нее с покорным выражением, и она могла смеяться над ним и терзать его, как хотела.

Пока она училась на курсах, не раз было, что то один, то другой из курсантов больше не появлялся на занятиях. И все знали, что это значит: его выпустили досрочно и забросили в тыл к немцам.

Был душный, майский вечер, городской сад никон от духоты, облитый светом месяца, цвеши акции, голова кружила от их запаха. Любка, которая любила, чтобы вокруг всегда было много людей, все тащила Сергея в кино и «прощивалась» по Ленинскому. А он говорил:

— Постом, как хорошо кругом. Неужели тебе не хорошо? И глаза его с непонятной силой светились в полуслучае аллеи.

Они делали еще и еще круги по саду, и Сергей очень надеялся Любке своей молчальностью и тем, что не слушала ее.

А в это время в городской сад со смехом и визгом ворвалась компания ребят и девчат. Среди них оказался один из курсантов, воронцовградец, Борька Бубинский, который тоже был неравнодушен к Любке и всегда смешил ее своей трепетной «с точки зрения трамвайного движения».

Она закричала:

— Борька!

Он сразу узнал ее по голосу и подбежал к ней и к Сергею и мгновенно стал трепаться.

— С кем это ты? — спросила Любка.

— Это наши девчата и ребята с типографии. Познакомим?

— Конечно! — сказала Любка.

Они тут же познакомились, и Любка всех потешала на Ленинскую. А Сергей сказал, что он не может. Любка подумала, что он обиделся, и нарочно, чтобы он не заносился, подхватила под руку Борьку Бубинского, и они вместе, вылезая из четырех ног, невозможные вензеля, выбежали из парка, только пластины ее мелькали среди деревьев.

Любка была еще не так стара, но, как многие простые пожилые женщины, смоду неудачно рожавшие, она расплакалась в садах и в поясах, и ноги у нее опухли в цыпочках. Она тихим голосом рассказывала Валько всю эту историю, и в то же время поглядывала на него вопросительным взглядом, а он избегал встретиться с ней глазами.

Любка, которая любила, чтобы вокруг всегда было много людей, приводила ее к Сергею, и он начал смеяться, и она смеялась, и вдруг, когда она смеялась, ее лицо поблескивало, и она смеялась и смеялась.

— Может быть, тебе не нравится, что я тебе говорю при нем все, так же, как и при мне, — сказал Олег.

— Нет, у нас дело любовное, — правда, Ниничка? — обернувшись к подруге, с легкой усмешкой сказала она.

Выждав, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

— Ничего, немец любит, когда его бьют!.. — Она засмеялась.

— А кто вы будете?

— Любка, — сказала девушка в ярком костюме крепешине.

Любка, когда шаги дяди Коли отдалились по двору, девушка с голубыми глазами приблизила лицо свое к Олегу и сказала:

— Я — от дяди Андрея...

— Смело вы... — Как-то вы немца-то? — помолчав, сказал Олег с улыбкой.

Г. ФИШ ВСТРЕЧИ В ХЕЛЬСИНКИ

Мы идем по улицам вечернего Хельсинки.

Обогнавший нас финский солдат неожиданно обернулся, увидел нас и затянул песенку. Это «Темная ночь» Н. Боголюбского — едва ли не самая популярная сейчас из песенок, записанных на финские телефонные пластинки, распеваемых в ресторанах и кафе. После того как здесь 27 лет прелестовалось все советское, популярность наших песен и успех нашего искусства особенно разительны. Мы даже представить себе не могли, какой злонравной и бессмыслицей клеветой о Советском Союзе пичкали финский народ его затравили.

Одному из членов советской культурной делегации, посетившей недавно Финляндию, был задан вопрос финским, корреспондентом: «Почему в Советском Союзе не издается переводная литература?»

— Я бы удивился, — ответил член делегации, — этому вопросу, если бы мне и моим друзьям не заезжали еженощно еще более нелепых вопросов. Не далее, как вчера, меня спросили, правда ли, что наших детей, как только они выходят из грудного возраста, отправляют в детский дом для коммунистического воспитания.

— А в самом деле, разве это не так? — искренно удивилась молодая женщина — репортер газеты «Ууси Аура». И только после того как члены делегации показали случайно оказавшиеся при них фотографии, на которых они были сняты в кругу семьи — с женой и детьми, скептически настроенная репортерша повергла в существоование семьи в Советском Союзе, и даже сбонтила об этой «сенсации» в ближайшем номере своей газеты.

Введённая в заблуждение антисоветской агитацией, финская интеллигенция полагала, что у нас нет культуры, ни искусства, и велико было их недоумение, а затем и восторг, когда они увидели представителей нашего искусства.

Большое значение имели гастроли Краснознаменного ансамбля «Красногвардейской песни и пляски», организованные обществом «Финляндия — Советский Союз». Ансамбль побывал в нескольких городах. После каждого концерта на эстраде поднимались делегации с цветами и торжественными адресами. Красногвардейцы 18-го года, коммунальные рабочие, освобожденные из тюрем борцы за дело Оbedдинских наций, представители культуры и искусства преподносили артистам цветы и подарки. Номера бесконечно биссировались, концерты затягивались далеко за полночь.

В одном из лучших выставочных залов Хельсинки была организована выставка советского плаката дней Отечественной войны. За две недели ее посетило свыше 20000 человек. Затем эта выставка совершила турне по стране. Многие плакаты reproduцировались в газетах, печатающих статьи и рецензии о выставке.

На концерте бригады ленинградских артистов мне довелось сидеть рядом с Рюбергом — женской депутатом прошлого сейма, избранной и в нынешний. Она принадлежала к той самой шестерке депутатов, которая не побоялась выступить против войны и за свою убежденность была заключена в тюрьму. Профессор Ленинградской консерватории Павел Сребряков исполнил Скрибина. Аплодируя, со слезами

волнения на глазах, Рюберг сказала: «В первые нас плохи кормили, мы молялись голодаю, но больше всего я изголодалась по настоящей музыке, я мечтала о том дне, когда буду сидеть на концерте и слушать хорошую музыку. За все это время я сейчас впервые попала на концерт этого чудесного русской музыки своего замечательного пианиста, — вы извините мое волнение».

Выступления артистов Ленинградского академического театра проходили буквально при неслыхавших заглушавших музыку аплодисментах.

Все, что происходит в Советском Союзе, вызывает живой интерес населения Финляндии. Поднявшись этому интересу, финские издательства выпустили за последние два месяца «Войну и мир» и «Евгения Онегина» в переводе на финский язык. Заново переведены и изданны «Мать» Гоголя, «Тихий Дон» Толстого, «Петр Первый» Толстого. Находятся в печати десятки книг советских писателей, чьи имена теперь впервые стали известны в Финляндии. Одни из драматических финских театров недавно поставили «Ревизора» Горького. В другом финском театре идет «Лес» Островского.

Интересные процессы, происходящие сейчас в финской литературе. Большая группа финских писателей примыкает своим творческим устремлениям к Демократическому союзу финского народа. Известная финская писательница Хелла Вуолюкки, чьи произведения переведены почти на все иностранные языки, — одна из организаторов и самых активных деятелей общества «Финляндия — Советский Союз». За свою деятельность, направленную против фашистских западных, она была арестована и саженчена только после перемирия. Сейчас вышла ее книга о финских героях, большинство писателей, примыкающих к Демократическому союзу финского народа, входит в литературную группу «Клин», образовавшуюся в 1932 году. Группа эта издала альманах «Альбом Клина» и журнал «40-е годы» под редакцией Ярио Пенанена.

В эту группу входят известные писатели Финляндии Эльзи Синнеро, Ааро Туртиайнен, Карни Альм, Пентти Лахти, Олави Пааволайнен — романист, перед собой войной побывавший в Советском Союзе, и около тридцати молодых писателей. Многие из них в годы войны сидели в тюрьмах и «выбралась» только после победы Красной Армии. Талантливая поэтесса и драматург Эльзи Синнеро перевела на финский язык Гимн Советского Союза. Во время пребывания в тюрьме она написала пьесу «Десантники» — о героическом подполье в Финляндии. «Премьера» этой пьесы состоялась в гюренном бараке, и ее ставили сами политические заключенные, тяжко от тюремщиков. Недавно в газете «СНС» был опубликован отрывок из этой пьесы. Карни Альм (литературный псевдоним Рюберг) выступил в печати со стихами, пьесами и публицистикой. Большая группа молодых литераторов группируется вокруг ассоциации академических социалистов (АСС), издающей журнал «Союз» («Факел»).

Финские писатели с большим интересом относятся к русской литературе и русскому языку. Недавно издана книга профессора Хельсинкского университета Кипарского, в которой анализируется русская литература, поэзия финнов и Финляндии, начиная с Батюкова и Баратынского и кончая литературой о «зимней войне» (1939—1940 гг.).

На концерте бригады ленинградских артистов мне довелось сидеть рядом с Рюберг — женской депутатом прошлого сейма, избранной и в нынешний. Она принадлежала к той самой шестерке депутатов, которая не побоялась выступить против войны и за свою убежденность была заключена в тюрьму. Профессор Ленинградской консерватории Павел Сребряков исполнил Скрибина. Аплодируя, со слезами

БУДУЩИЕ КНИГИ

«Порт-Артур» — моя первая напечатанная книга. Помимо нее, у меня есть другие, еще не опубликованные рукописи.

«Записки гвардии о войне 1914—1918 гг.» являются литературной обработкой дневников времен первой мировой войны, в которой я участвовал молодым офицером гвардейской артиллерии.

«Рассказы из обороны» — большой роман-хроника. В нем я рассказываю о судьбе интеллигентной семьи в период с 1900 по 1934 год.

Продолжением «Порт-Артура» является роман «Семья Звонаревой», в котором я показываю судьбу главных героев «Порт-Артура». Возможно, я обещаю ею предыдущим романом-хроникой в одно целое.

Я написал также несколько повестей:

В повести «Бой под Нарвой в 1918 г.» показаны действия рабочих

отрядов, тогда впервые столкнувшихся с немцами и нацистами и испытавших сильное поражение.

В «Трагедии в Чехии» я рассказываю о подвиге «Корейца» и «Варяга». В небольшой повести «Кадеты» описывается быт кадетских корпусов в 1900—1910 гг.

Основной моей работой в настоящее время является киносценарий по роману «Порт-Артур», фактически приходится писать новую, отличную от «Порт-Артура» вещь.

О нынешней войне я написал несколько очерков и рассказов, которые, по существу, являются лишь фрагментами будущей работы на эту тему.

Я. Степанов

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМИССИИ СССР

«Великий поход» — центральная часть киргизского эпоса «Манас». Поэты, переводчики С. Линник, Л. Пеньковский и М. Тарловский до войны перевели первую часть «Великого похода». В дни войны С. Линник продолжал работу над переводом второй части. На днях на заседании национальной комиссии СССР С. Линник прочитал новые переведенные им главы. Выступившие М. Тарловский, Л. Пеньковский, А. Деве и др. дали положительную оценку работе С. Линника.

На заседании был поднят вопрос о необходимости ускорения издания первой части «Великого похода», которая еще до

В областной комиссии

На очередном заседании областной комиссии Союза писателей обсуждался вопрос о привлечении на учебу в Литературный институт писателей из областей.

Вторая часть заседания была посвящена обсуждению творчества Д. Бондарева, пришедшего в Москву из сибирских рассказов о Л. Толстом. П. Чайковский, Т. Шевченко, А. Петров, А. Писемский.

Приступающие выступили с дружеской критикой прочитанного автором рассказа Тарасе Шевченко «Осуществленная надежда» и всего сборника

* * *

Областная комиссия 11 апреля провела обсуждение еще не законченного произве-

ЛЕНИНГРАД № 1—2

Вышел из печати № 1—2 журнала «Ленинград». Игорь Смирнов, один из старейших членов Союза писателей, обсуждал вопрос о привлечении на учебу в Литературный институт писателей из областей.

Вторая часть заседания была посвящена обсуждению творчества Д. Бондарева, пришедшего в Москву из сибирских рассказов о Л. Толстом. П. Чайковский, Т. Шевченко, А. Петров, А. Писемский.

Приглашенные участие в обсуждении А. Аргро, А. Бруштейн, А. Каравеев, О. Леонидов, М. Никитин и И. Шток положительно оценили работу А. Герман и дали ей ряд советов для дальнейшей работы над пьесой.

* * *

Областная комиссия 11 апреля провела обсуждение еще не законченного произве-

УВЕНОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ А. Н. ТОЛСТОГО

Союзником Узбекской ССР принял постановление об увековечении памяти выдающегося русского писателя Алексея Николаевича Толстого. На дому № 81 по Петровской улице в Ташкенте, где жил в 1941—1942 гг. А. Н. Толстой, установлена мемориальная доска. Почтовая улица переименована в улицу имени Алексея Толстого.

Приглашенные участие в обсуждении А. Аргро, А. Бруштейн, А. Каравеев, О. Леонидов, М. Никитин и И. Шток положительно оценили работу А. Герман и дали ей ряд советов для дальнейшей работы над пьесой.

* * *

СТАЛИНГРАД. (От наш. корр.) Комсомольская организация города проводит большую работу по пропаганде творчества Маяковского. На новостройках, заводах, в учебных заведениях проводятся беседы, лекции, доклады, вечера памяти поэта. С большим успехом прошел вечер молодежи Воронежского района. Доклад о творчестве Маяковского сделал руководитель Литературного объединения при горкоме комсомола Н. Соколов. Сегодня состоится городской вечер молодежи с участием мастеров художественного слова Н. Эфроса и П. Ярославцева.

* * *

МОЗДОК. (От наш. корр.) Более 400 человек собрались в городском клубе на организованную для молодежи лекцию, посвященную жизни и творчеству В. Маяковского. После лекции с чтением произведений Маяковского выступали бойцы

ПАМЯТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

15-я годовщина смерти В. Маяковского отмечена концертами, литературными вече-рами, докладами, лекциями в открытых аудиториях, творческих клубах, культурных организациях, в учреждениях и на заводах Москвы.

Сегодня в зале им. Чайковского состоится большой вечер. После вступительного слова Н. Тихонова с воспоминаниями о Маяковском выступят В. Шляковский, Л. Касиль и Л. Никулин. Вера Инбер прочтет главу из поэмы «Путевого дневника», посвященную Маяковскому. С чтением произведений поэта выступят В. Аксенов, Д. Журавлев, Л. Крайнская, М. Лебедев и В. Яхонтов.

Вчера, под председательством Н. Тихонова, состоялся вечер в Московском клубе писателей. Выступали: В. Катанин, Л. Касиль и В. Шляковский, поделившись воспоминаниями о поэте, и артисты С. Балашов и М. Лебедев, исполнившие произведения В. Маяковского. В концерте яркими участниками Г. Баринова и Я. Фликер.

Вчера, под председательством Н. Тихонова, состоялся вечер в Московском клубе писателей. Выступали: В. Катанин, Л. Касиль и В. Шляковский, поделившись воспоминаниями о поэте, и артисты С. Балашов и М. Лебедев, исполнившие произведения В. Маяковского. В концерте яркими участниками Г. Баринова и Я. Фликер.

Вчера в ЦДРИ (11 апреля) открыл А. Первениц. О полинии современности поэзии Маяковского говорил Л. Касиль.

Праздники Маяковского по Советскому Союзу были темой выступления П. Лаврута. Академик Л. Руднев рассказал о встречах с поэтом, относящихся к 1914—15 гг., а В. Катанин — о работе Маяковского в «Комсомольской правде».

Л. Крайнская и Э. Каминская прочли стихи поэта. В заключении В. Яхонтов привел стихи о Крыме, отрывки из поэмы «Облако в штанах» и стихотворения «Разговор на рейде», «Парижанка» и др.

Торжественное заседание состоялось 12 апреля в Институте мировой литературы им. А. М. Горького. Заседание открыто академиком В. Шимшарев. Доклад «Маяковский в «Комсомольской правде»» — П. Богатырев.

В Государственном литературном музее 11 апреля состоялось юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 15-летию со дня смерти В. Маяковского.

Дом звукозаписи переписал для музея творческого пути Маяковского на грампластинки авторское исполнение стихотворений «Гимн судьбы», «Послышате...», «Веноморская любовь», «Небольшое приключение», бывшее с Владимиром Маяковским в славянских странах».

Для школьных экскурсий в музее подготовлена выставка «Жизнь и творчество Маяковского».

Библиографический указатель «Владимир Маяковский» — избранные литература о Маяковском, составленный А. Певзнером, под редакцией Н. Реформатской, вышел в Библиотечно-библиографическом издательстве.

Под общим заглавием «Слово — полководец человеческой силы» подготовлен сборник статей, материалов и документов о роли произведений Маяковского в героях-одиличах. Для изображения «Владимир Маяковский» — П. Ярославцева.

НОВЫЙ ПЛАКАТ

Вышел новый плакат — «Окно ТАСС», посвященный 15-летию со дня смерти В. Маяковского. Художник П. Соколов-Скаля. На плакате изображен грустный взгляд на землю.

В НЕСКОЛЬКО СПРОК

Новый перевод комедии Шекспира «Бесцельные усилия любви» читает сегодня Корней Чуковский в Шекспировском кабинете Всероссийского театрального общества.

На постсоветской сцене Узбекистана впервые поставлены пьесы А. Гайдара, А. Рахимова, Б. Абдуллаева, К. Батырова, А. Григорова, Б. Абдусаломова, К. Абдусаломова, А. Ахунтина, Эмиля Зайса, Жорж Энрик, Илья Ленин, «Облако в штанах» и «Владимир Маяковский» и ряд других пь